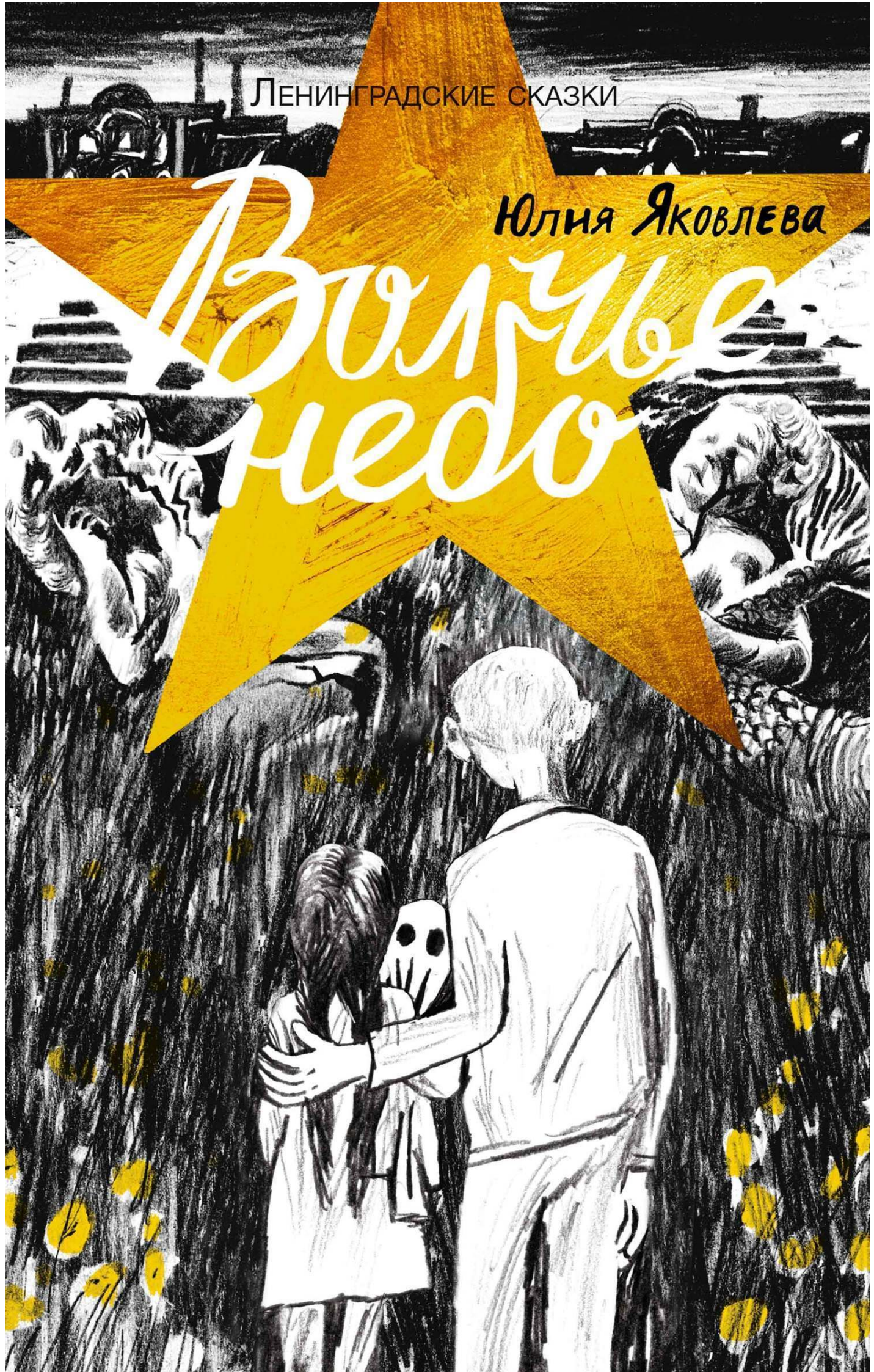

ЛЕНИНГРАДСКИЕ СКАЗКИ

Юлия Яковлева

Волчье недо

Ленинградские сказки

Юлия Яковлева

Волчье небо. 1944 год

«Самокат»

2019

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)

Яковлева Ю.

Волчье небо. 1944 год / Ю. Яковлева — «Самокат»,
2019 — (Ленинградские сказки)

ISBN 978-5-00-167034-6

Ленинград освобожден, Шурка и Бобка вернулись из эвакуации, дядя Яша с немой девочкой Сарой – с фронта. И вроде бы можно снова жить: ходить в школу, работать, восстанавливать семью и город, – но не получается. Будто что-то важное сломалось – и в городе, и в людях: дядя Яша вдруг стал как другие взрослые, Сара накрепко закрылась в своей немоте, а бедному Бобке все время смешно – по поводу и без... Шурка понимает, что нужно во что бы то ни стало вернуть Таню, пусть даже с помощью Короля игрушек, – но какую цену он готов за это заплатить? «Волчье небо» – четвертая из пяти книг цикла «Ленинградские сказки». Первая, «Дети ворона», была названа главным событием 2016 года в подростковой литературе, вошла в шорт-лист литературной премии «Ясная Поляна», попала в международный список «Белые вороны» среди лучших 200 книг из 60 стран, а также выиграла IN OTHER WORDS крупнейшего британского фонда поддержки детской литературы BOOK TRUST. Вторая книга цикла – «Краденый город» – попала в лонг-лист премии им. В. Крапивина в 2017 году. А третья книга – «Жуки не плачут» – попала в лонг-лист премии «НОС».

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-00-167034-6

© Яковлева Ю., 2019

© Самокат, 2019

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Юлия Яковлева

Волчье небо. 1944 год

*Но Самсон сказал им:
теперь я буду прав пред Филистимлянами, если сделаю им зло.*
Суд. 15:3

Итак, она звалась Татьяной.
А. Пушкин. Евгений Онегин

© Ю. Яковлева, текст, 2019

© ООО «Издательский дом “Самокат”», 2020

Глава 1

- Ты осознал? – блеснула очками директор школы.
- Скажи, осознал? – повторила завуч, но более настырно.

На столе лежали папки – личные дела учеников. Завуч была молодой, коротко остриженные волосы торчали углами у щек. Волосы директрисы напоминали цветом смесь перца и соли. Два портрета взирали со стены: справа – портрет Сталина, слева – портрет Ленина. Все четверо смотрели на Шурку. Вожди сверху – добро, особенно Ленин. Женщины – строго. Шурка стал глядеть на свои ботинки, чтобы не сказать лишнего.

– Значит, осознал, – сказала за него директриса. Завуч раскрыла рот, чтобы возразить. Но директриса ее опередила. – Дадим тебе испытательный срок. Не подведешь?

Он пожал плечами. Брови завуча сложились в ехидную галочку, а рот директрисы превратился в букву «О».

– Он же тупой! – в голосе завуча зазвенело ликующее «Что я говорила!». Директриса положила свою руку на ее: мол, погоди.

Шурка равнодушно, но громко объявил:

- Я осознал.
- Хорошо, – вздохнула директриса. – Иди. Что у вас сейчас?
- История.

– И больше никаких прогулов! – крикнула вслед. Шурка пробормотал: «я осознал». А когда дверь за ним закрылась, завуч хлопнула обеими ладонями по столу:

– Ведь врет же!

Но директриса закрыла папку:

– Наша задача... Как советских педагогов, – прихлопнула возражения она. – ...Наша задача – подтягивать таких вот шуток. А не давать им скатиться еще ниже.

– Но... – запнулась завуч. А потом голос ее гулко завибрировал – как будто кто-то лил струю в пустое цинковое ведро. – Как советский педагог! Я возмущена... Что с ними всеми такое? В наши дни такого не было. Я считаю! Где не помогает семья, там должна вмешаться школа. Органы! Наказать! Принять меры! Проявить принципиальность! Я считаю! Взять, наконец, в железные рукавицы.

– Елена Петровна, – устало перебила директриса.

Она хотела добавить: «дефективный класс давно переполнен». Она хотела добавить: «война с ними всеми, вот что такое». Она хотела добавить: «полшколы таких шуток». И еще: «тут бы впору не три обычных класса и один дефективный, а три дефективных – и один обычный». Но посмотрела на портреты.

Выполненные без таланта и размноженные типографией, они обладали таинственной особенностью портретов из Эрмитажа: всегда глядеть посетителю в глаза, как бы тот ни ходил вокруг картины. «Может, поэтому в них было что-то жутковатое?» – подумала директриса. Оба, и лысый, и усатый, глядели так, что было ясно: их добренький прищур мог в один миг стать безжалостным.

– Правильно говорить «в ежовые», – поправила она.

Завуч обиженно захлопнула рот. Директриса с трудом отцепила свой взгляд от портретов, посмотрела завучу в глаза:

– В наши дни такого ни с кем не было.

– Это же волчата, – растерялась завуч. Голос ее уже не был цинковым, он дрожал. Директриса выронила папку. Завуч ее опередила: торопливо и гибко наклонилась, подняла. Вернула на стол. Опять заговорила:

– Я в класс вхожу и не знаю – может, меня сегодня ножиком пырнут. Мальчишки эти. Я спиной к ним поворачиваться боюсь.

Глаза ее глядели наивно и кругло. «Девочка – подумала вдруг директриса, – горластая, наивная. Сразу после института – и вот: сразу завуч в мужской школе. А что делать? Людей сейчас везде не хватает».

Похлопала ее по руке:

– А вот бояться не надо. Дети есть дети. Прежде всего, они дети. А не волчата. Им нужны ласка, доброта, внимание.

– Ему? Этому!?

Слово «ласка» ее потрясло:

– Ласка? Да это же...

Она хотела повторить «волчонок», но опять вспомнила гадкое, бесхребетное и близорукое слово «ласка», скривилась. Уверенно закончила:

– Будущий бандит! Сегодня – прогулы. Завтра – кража. Послезавтра – тюрьма.

– А это! – подняла палец директриса. – Уже зависит от нас с вами и коллектива. Кем эти мальчишки станут в будущем.

– Да, но... Как выковать из них советских детей? Как привить им знания и воспитание? Как выполнить задачу, которую возложила на нас партия? Может, их поздно воспитывать? Их изолировать надо! Может, пора подать соответствующий тревожный сигнал... – завуч воздела глаза. Столкнулась с колючими прищуренными глазками, нанесенными типографской краской. Испугалась собственной дерзости. Перевела взгляд ниже – в воображаемые области городских и районных отделов народного образования, и только тогда вымолвила:

– ...наверх?

«Горластая, наивная, опасная», – подумала директриса.

Улыбнулась. Опять похлопала ее по руке:

– Еленочка Петровна. Справимся.

Она покосилась на портреты, как будто те могли ее видеть и слышать, и громко добавила:

– Мы же советские люди. Партия и страна поставили перед нами задачу.

Она была старше, она была опытным педагогом, то есть давно знала, как легко обмануть молодых. Строго сказала:

– Если чувствуете, что не справляетесь, переводитесь в женскую школу. Никто вас за это не осудит.

И с удовольствием убедилась: ровно на такой результат она и рассчитывала. Рот завуча захлопнулся. На щеках расцвели два розовых пятна. Та замотала головой, смутилась, встала:

– Партия поставила задачу, я справлюсь!

– Уверены?

– Я справлюсь!

Директриса внутренне усмехнулась. «Просто горластая наивная девочка. Ничего в молодости хорошего, кроме здоровых суставов», – подумала она. Победно стукнула о стол папки с личными делами «дефективных», выравнивая корешки. Отложила. Подвинула к себе стопку тетрадей. Она рада была, что ее собственная молодость прошла навсегда:

– Вот и славно!

К двери завуч Елена Петровна пошла на цыпочках. Недоумевающий взгляд директрисы проследовал за ней. А потом снова окунулся в тетради.

Директриса повидала много детей, разбиралась в людях. Не ошиблась и на сей раз. Елена Петровна была и горластой, и наивной. Ошиблась директриса лишь в порядке слов. Елена Петровна была прежде всего опасной. Потому что никогда не сомневалась в своей правоте.

Она не собиралась сдаваться.

Затаила дыхание у самой двери. Быстро распахнула. Не поверила. Выглянула в коридор. Покрутила головой туда, сюда. Пусто. Шурка под дверью не подслушивал.

«Значит, затеял что похуже». Тихой охотничьей походкой индейца племени сиу Елена Петровна направилась к туалетам, издали втягивая носом воздух. Готовая пуститься вскачь, как только почует первые молекулы папиросного дымка.

У двери класса Шурка замер. Тишина была такая необычная, что поднялись дыбом волоски на руках. «Драпануть?» – промелькнуло.

Он поднял взгляд. Убедился. Нет, дверь правильная.

Тишина – неправильная.

Обычно в классе хлопали партами, грохали стульями. Гоготали. Шептались. Шуршали. Завывали. Вскрикивали. Постукивали. Скрипели. Когда этот разнообразный шум умолкал... А умолкал он обычно после того, как в дверь просовывалась все еще бритая на военный лад голова физрука Окунева или военрука Дыбина. Окунев (или Дыбин) гаркал: «Ма-а-ал! – чать!» И: «Сми-и-ир! – на!»

И шел в следующий класс. Усмирять следующую бурю.

Иногда, правда, шум умолкал вдруг, сам по себе. Такое тоже бывало.

В эти внезапные мгновения абсолютной тишины доносился голос учителя истории Матвея Ивановича:

– ...тогда сказал Александр Невский...

Но прореха тут же смыкалась. Грюк, стук, грохот, вскрики навеки покрывали тайной, что же сказал Александр Невский.

Вот что было правильно.

Шурка осторожно подошел к двери. Осторожно опустил вниз ручку. Осторожно толкнул. И удивился.

Все остальное было как обычно.

Матвей Иванович, тоненький и сухой, как будто составленный из щепок и лучин, расхаживал перед доской. В руке его была указка. На доске висела карта. Лица были обращены на нее. Матвей Иванович заметил Шурку, махнул нетерпеливо: входи же. Тем же нетерпением дохнуло от класса: от всех этих бритых голов, от всех этих вытянувшихся спин, от всех этих распахнутых ушей.

Шурка проскользнул. Тихо сел. Стул скрипнул. Но никто даже не скосил глаза.

– Дыбин пролетел? – прошептал Шурка.

В ответ никто даже не моргнул. Взгляды порхали за указкой. Матвей Иванович разругался от собственного рассказа:

– И вот здесь немцам пришлось закрывать брешь. Они подтягивают двенадцать... Двенадцать! – с каким-то восторгом повторил Матвей Иванович, – ...дивизий с других участков советско-германского фронта. Девять пехотных дивизий! Одну танковую дивизию! Одну моторизованную бригаду из первой танковой и одну из восьмой армии под командованием генерал-фельдмаршала Манштейна. Немцы пытаются закрыть брешь. Понимаете, ребята?

Класс ответил напряженным молчанием болельщиков, замерших на стадионе перед решающим голом. Матвей Иванович, сухой и маленький, как старый воробей, прыгал и порхал у карты.

Только сейчас Шурка заметил, что на ней были не Римская империя, не русские княжества, не какое-нибудь татаро-монгольское иго под пятой Наполеона. На ней было большое розовое пятно, похожее на растянутую шкуру неизвестного зверя. Современное, родное, с надписью «СССР».

Только сейчас Шурка понял, в чем дело и почему тихо: урок истории шел без глаголов в прошедшем времени.

– Вот здесь выдвинулась армия генерала Ватутина. А вот отсюда – армия генерала Конева.

Указка замерла. Шурка, все они – увидели, что советская граница совсем рядом с ней: край большого темно-розового пятна, за которым пестрели все остальные, маленькие, иностранные.

– Вот здесь.

Матвей Иванович зажал указку под мышкой. Зажал локтем тяжело бухающий от волнения левый бок. Ткнул в карту пальцем:

– Вот здесь, – ткнул еще раз Матвей Иванович. – Помните, ребята, мы с вами проходили битву князя Владимира при Корсуни?

Никто не помнил. Но все кивнули вразнобой.

– Ватутин и Конев идут навстречу друг другу...

Шурке представилось: снег, генерал Ватутин, у него на каждой ноге обут – танк. Он не идет. Он – наступает. Блям! Блям! И генерал Конев тоже – навстречу. Своими танками. Блям! Блям!

– ...сюда! – торжественно выговорил учитель истории. Взгляды устремились туда, где стоял палец. – К Корсуни.

Матвей Иванович умолк. Почувствовал, как тяжело бухало сердце, но ему было скорее приятно, хорошо – казалось, сейчас все удары всех сердец в этой комнате слились в одно общее, радостно-тревожное: бум, бум, бум. Даже немного потемнело в глазах. На какие-то полсекунды. Потемнело и прояснилось. Он обвел глазами класс, снова обернулся к карте:

– Вот здесь армии генерала Ватутина и генерала Конева охватывают гитлеровцев в котел. Понимаете, ребята? По значению своему для исхода войны, для нашей победы. Для конца войны. Битва при Корсуни, ребята... почти как... – с трепетом выговорил, – ...как Сталинград. Корсунь, ребята... Корсунь...

Взгляд его засасывала черная точка, обозначающая на карте город:

– ...Корсунь...

Взгляд пролетел сквозь нее, как сквозь игольное ушко. Помчался дальше, приближаясь с чудовищной высоты. Вот уже видны были на белом снегу темные жучки танков. Вот уже темная масса, покрывающая землю, стала распадаться на зернышки – фигурки людей. Вот уже можно было различить лицо генерала в машине. Оставалось сделать только последнее усилие, чтобы разглядеть, Конев это или Ватутин.

Матвей Иванович, охваченный любопытством, сделал последнее усилие.

Звякнула указка. Он мягко повалился на пол.

Сначала все оцепенели. Тишина в классе стояла по-прежнему, но из внимательной она стала ватной. А потом раскололась и обрушилась, как лед сквозь водосточную трубу. Все заорали. Захлопали парты. Застучали стулья. Шурка поднялся.

Не вскочил только Матвей Иванович.

Толкаясь, пихаясь, шепчась, его обступили. Глядели на его раскинутые врозь ноги. На задравшийся пиджак. На неловко повернутую голову, щекой на нечистом полу. Тишина стала звенящей. Глаза – круглыми, отчего бритые головы мальчишек стали похожими друг на друга, как каштаны, которые трещь об асфальт, пока не сточишь все колючки, зеленую кожуцу, до твердого замшевого мячика.

– Может, медсестру позвать? – пробормотал кто-то.

Шурка подошел к Матвею Ивановичу. Сел на корточки.

– Ты чего? – завопил кто-то. – Не трогай его!

Шурка поднес ладонь к носу Матвея Ивановича. Не ощутил теплого воздуха. Вообще никакого движения. Матвей Иванович только что был здесь. И вот уже между ним и живыми – звездная дыра «навсегда».

«Неужели и Таня – так?», – думал он.

– Он чё там? Он чё там? – подскакивал кто-то на задах. – Ничё ж не видно!

Шурка оправил учителю завернувшуюся полу. Просунул руку под его щеку, все еще мягкую, все еще теплую, но уже совсем, совсем не... «Неужели и Таня?..» Приподнял голову с грязного пола, вглядываясь в остановившиеся черты.

Кто-то скривился от ужаса и отвращения.

Шурка бережно положил под щеку учителя портфель.

– Ы-ых, – прянули, попятились первые ряды. Шурка обернулся – и сказал то, что все боялись понять:

– Он же просто мертвый. Чего его бояться?

Все заверещали, стали пихаться к двери, колотить. Не сразу сообразили, что ее надо открыть. Она вдруг распахнулась сама. Топочущая человеческая каша чуть не смела военрука Дыбина. Это он открыл дверь. Едва успел отскочить.

Потом прибежала медсестра. Потом завуч. Потом директор. Потом прошли с брезентовыми носилками две женщины, обе в ватных куртках и теплых шапках. За пояс были заткнуты рукавицы. У одной в руках докторский саквояж.

Но он не понадобился.

Она присела, ощупала Матвею Ивановичу шею. Подняла веко – Шурка успел заметить белую лунку, похожую на вареное яйцо больше, чем на глаз.

Врач посмотрела на свое запястье, потом приложила к колену бумажку, облизнула химический карандаш, записала что-то.

– Понесли, – сказала она.

Завуч всхлипнула:

– А такой бодрый был.

– Не может быть, – засуетилась, возразила не понятно кому директриса. – Он же всю блокаду здесь продержался.

Врач покачала головой:

– Вот-вот: блокада... Истощение организма.

– Но он же выжил, – настаивала директриса, как будто все еще можно было обернуть вспять, оживить Матвея Ивановича – главное, спорить с врачом твердо: – Выжил. Сколько всего перенес. Выжил.

Но та была неумолима:

– Выжить-то выжил. А сердце истощено.

Заметила в углу класса Шурку. Нахмурилась:

– Посторонним не место.

Все обернулись на него. Дыбин выкатил глаза, гаркнул, так что жилы на шее вздулись:

– Отсюда – МАРШ!

Шурка выскочил в дверь. Отпрянул к стене, снова заглянул в класс. Дыбин и женщины принялись, мешая друг другу, укладывать, накрывать, поднимать. Шурка отбежал за угол. Увидел, как понесли вниз, по лестнице, через вестибюль, на крыльцо, с крыльца. У окон уже висели гроздьи. Шурка глядел поверх голов. Движение внизу на крыльце. «Гляди, гляди», – заверещали мелкие.

Под грубым покрывалом угадывались торчащие вверх ступни. «Таня, а ты – неужели, ты тоже так сделала?» – думал Шурка. Мальчишка перед ним передернул тощими лопатками.

Носилки вплыли в заднюю дверь машины с красными крестами. Директриса и завуч вернулись в школу. Сверху Шурка видел лысину Дыбина. Уши и нос у того стали красными от морозца. Дыбин – из деликатности перед мертвым в его пиджачке – не стал надевать шинель. Из рта его вырывался парок.

Школа глядела на них всеми своими окнами. В темных прямоугольниках окон отражались голые веки деревьев. За отражениями видны были прижатые к стеклу лица. Они то дружно пропадали, то возвращались. По движению этой осыпи можно было угадать, какими коридорами там внутри шел физрук Окунев со своими «Атс-тавить!», «Нечего смотреть!» и «Марш!». И осыпались совсем, когда от машины остался только след в две черные полосы на сыром снегу.

Но Шурки там уже не было.

Он прошел мимо железной сетки, за которой топорщились пальто и куртки. От них пахло мокрой собакой. Дремала на табуретке гардеробщица. В ее мире Матвей Иванович был еще жив. Подбородок ее лежал на груди, а закрытые глаза видели выпуск Мариинской женской гимназии тысяча восемьсот девяносто четвертого года.

Шурка осторожно просунул руку в ячейку. Нашупал кепку. Чью? Неважно. В любой кепке есть отворот. А за отворотом... Есть! Пальцы выудили картонную гильзу, обсыпанную табачными крошками, осторожно вернули безмянную кепку на место. Папироса переместилась Шурке в рукав.

Он не видел, что по следу его уже шла Елена Петровна.

Она нацелилась подловить «шкета» на какой-нибудь пакости. На проступке. Он ошибется. Оступится. Рано или поздно. Во что бы то ни стало. И тогда – вон: в «дефективный» класс. А лучше – из школы.

Вспомнив слово «ласка», Елена Петровна раздула ноздри. Директриса – просто устарела, политически отстала: «ласка». Тюрьма! Вот что таким поможет. А не ласка.

Как Зарема мимо спящего Гирея из пушкинской поэмы, Елена Петровна проскользнула мимо гардеробщицы.

Шурка зашел в туалет. Кабинки без всякого стыда и без дверей показывали обложенные кафелем дырки в полу. Пахло мочой и хлоркой. Подоконник был исписан ругательствами. Окно было покрашено белой краской. Шурка подошел, прислонился лбом. Оно было холодное. Глаза застилала корявая неровная белизна. Плотная. Окончательная. Но откуда тогда это чувство по утрам, что Таня есть, что вот-вот найдется?

Острое и твердое, оно тихонько таяло весь день, к вечеру исчезало совсем. Казалось, навсегда. Но утром объявлялось вновь. Как лезвие в животе. И начинало пытаться заново.

«Уйди уж тогда совсем», – попросил в белизну стекла Шурка.

«Полундра! Капуста!» – заорал кто-то в коридоре. Труба тревоги: замечен враг! Шурка очнулся. В пальцах торчала папироса. Шурка переломил ее, кинул в кафельное срамное око.

– Ты что? Куришь? – настырно ощупал его сзади голос.

Шурка повернулся. Капуста, то есть Елена Петровна поводила носом. Глазки ее побегали по кафельному полу, проскакали по кабинкам, лизнули подоконник, уставились на Шурку.

«Глядит как. Волчонок и есть», – с дрожью в животе думала она. Но в голове будто сверкнул прожектор. «Подвести советский народ и партию?» – сказал в голове голос директрисы. Нет, голос товарища Сталина, голос самого Ленина. Как будто портреты их висели не в кабинете директора школы, а внутри самой Елены Петровны: «Подведете партию?» Она задрожала. С непривычки голос зазвучал не ласково, а скомкано:

– Ты это... не на уроке... почему?

Дефективный угрюмо глядел в пол. Показывал ежик на голове. Хотелось заорать. Схватить за плечи и трясти. Очень хотелось. Но она вспомнила слова товарища Ленина, они были написаны на стене школьного вестибюля: «учиться, учиться и учиться». Она научится! Не подведет советский народ.

Елена Петровна попробовала опять:

– Какой у тебя урок?

Тот пожал плечом:

– История.

Та смутилась.

– Да, точно. Вот ведь... как вышло... Был человек – и нет его. Фельдшер сказала: истощение.

– Да.

Тишина воняла мочой и хлоркой. В кафельных глазках плавали окурки. А теперь что? Поднять руку и погладить? Плечи сами собой выдали дрожь. Елена Петровна сцепила зубы, собралась с мыслями, вздохнула.

Протянула было руку, но тут же убрала. И впервые увидела, какого цвета у этого дефективного были глаза. Они оказались серыми.

– Ладно. Ты это... – махнула она рукой, – иди все-таки на урок. – И ушла.

Шурка постоял еще. А потом вышел из школы.

Шурка задрал голову. Дом был тот же. Четыре этажа, и на каждом человек, который его строил, менял свои намерения. Первый сделал простым, скромным, как будто сложил из прямоугольных глыб. На втором робко, как из кондитерского шприца, выдавил завитушки – понемногу у каждого окна. На третьем из взбесившихся гипсовых локонов окна уже еле проглядывали. На четвертом строго стояли белые колонны. А венчал все огромный портал, как у театра. Пышный с огромной каменной вазой на самом верху. Шурка помнил вазу. Вазы больше не было. Вазу дом еще той зимой скинул им с Таней на голову. Промахнулся. Или просто решил попутать. Может, вообще, шутил. Сейчас Шурка уже ни в чем не был уверен.

Тогда почти все окна в доме были заклеены бумагой или закрыты фанерой: стекла вынесло, когда Ленинград бомбили и обстреливали. Сейчас в голых стеклах дрожало небо – серое, зимнее, низкое.

Даже снег был не такой. Тогда он, казалось, лег навсегда. Улицы превратились в муравьиные тропинки среди арктических сугробов. Теперь – был вялым, липким, следы на тротуаре сразу темнели и наливались водой.

Из арки вышла женщина. Глянула на Шурку мельком. Не узнала, свернула, чавкая по снежной жиже, пошла по тротуару туда, где попирали постамент гигантские черные ступни, а еще дальше угадывалось зияние площади. Шурка ее тоже не узнал. Он никого не узнавал. Все их прежние соседи умерли зимой.

Последний адрес, который Таня еще могла знать.

Вот их бывшие окна. Два справа – комната большая. Над одним подпалина: там была выведена труба железной печки. Печки, в которой сторел мишка.

Комната по-прежнему была мертва. Окна заделаны фанерой.

Он вспомнил восковое лицо Матвея Ивановича, глаз, похожий на вареное яйцо... Но Таня так сделать не могла. Только не Таня.

Она просто сегодня не пришла. Не сегодня.

Главное, Таня знает этот адрес.

Он обходил их каждый день – все. Дом, из которого их забрали в госпиталь, а потом – в эвакуацию. Дом, который разбомбило. Дом, в котором они жили с тетей и дядей до войны. Дом, в котором они жили с мамой и папой – до всего.

Шурка сунул покрасневшие руки в карманы.

Ну и что. Он и завтра сюда придет.

Внезапно догадка осенила его.

«Я профессор», – самодовольно похвалил себя Шурка.

Вынул коробок спичек. Чиркнул. Дал прогореть. Задул. Стал выводить обуглившейся палочкой на стене:

«Таня...» Уголек обломился, поцарапал стену. Шурка опять чиркнул. Прожег еще одну.

«...мы...»

Хрустнула, измазав пальцы. «Черт!» Пришлось сжечь еще одну. И еще.
Наконец надпись была готова:
«Таня, мы на Садовой. Д. 14. Шурка».

Глава 2

– Ну, Шурка, ну черт... Где тебя носит? – пробормотал дядя Яша, прищурился от дыма, смахнул прочь от лица его сизое щупальце (оно послушно поплыло в лестничный пролет). Привычное раздражение охватило его. «Спокойно», – одернул себя дядя Яша, тоже привычно. Не для очередной ссоры он это затеял, всю эту поездку, выпросил для Шурки место в машине. «Нам просто нужно больше времени вместе. Что-нибудь делать – вместе. Совместный труд на свежем воздухе и так далее». Папироса догорела, обожгла пальцы. Дядя Яша выругался, выронил окурок, притопнул его ногой. Схватился за ручку входной двери. Квартира тут же показала темный коридор с просветом, где был вход на общую кухню. Тускло поблескивали висящие на стене тазы. И никакого Шурки! – вот жулик, в ванной наверное до сих пор чешется. Да плевать девчонкам там на... Дядя Яша набрал полную грудь воздуха. «Ну где ты там, ну?» – хотел гаркнуть, когда в самом низу, в подъезде, хлопнула дверь – звук получился пушечный, как в колодце. Эхо заметалось вверх: по плиткам, которыми были выложены лестничные площадки, отскакивало от крашенных стен, от каменных ступеней, до самого люка на чердак. И следом с лестницы донесся басок:

– Я с-а-а-а-ам...

Дядя Яша прислушался, тихо выдохнул. Топали вверх шаги. По два на каждую ступень: одной ногой, потом другой. За ними еле слышно шелестели другие, взрослые.

– Мам-м-ма-а-а-а... – гудел в лестничном колодце басок. – Не-е-е-ет! Не-е-е-ет! Я са-а-а-ам!!!

Дядя Яша тихо разжал пальцы, выпустил дверную ручку. Тихо, стараясь не стукнуть протезом, скользнул к перилам, заглянул в лестничный пролет, похожий сверху на морскую раковину.

По перилам поднималась белая рука – взлетала и опускалась. Две маленькие, пухлые, переступали, цепляясь за прутья.

– Максимка, давай на ручки? – робко предложил женский голос.

– Не-е-е-ет. Я с-а-а-а-ам...

Дядя Яша обмахнул рукавом ватник: вдруг туда осыпался пепел. Быстро стащил шапку, сунул под мышку, пригладил волосы. Одно ухо у него жгло огнем. Стало стыдно за себя. От этого заалело и второе ухо.

Соседка с Максимкой жили в квартире напротив. Такая же высокая деревянная дверь с мозаикой табличек с фамилиями жильцов и инструкциями, в чью комнату сколько и как жать на звонок.

– А, – сказала она, заметив дядю Яшу с площадки ниже. – Здравствуйте.

И тут же отвернулась. Дяде Яше показалось, что она прикуривает. Но когда она повернулась, оранжевого огонька у рта не было. Одна рука снова на перилах. С локтя другой съехала и врезалась в ладонь хозяйственная сумка.

– Доброе утро.

Она повернулась к ребенку. Дядя Яша глядел на нее сверху вниз. Видел прибор, сходящий к узлу каштановых волос, заметил седые ниточки.

– Максимка, идешь?

– Са-а-а-ам.

Дядя Яша кивнул:

– Генерал.

– Да уж, – отозвалась мать.

Щекастый малыш остановился. Вязаная шапка была завязана под подбородком, и от нее лицо казалось еще круглее. Глядел исподлобья.

– Извини, Максим, – сказал дядя Яша. – Я это в хорошем смысле.

Максим бросил еще один неодобрительный взгляд. Пухлые руки задвигались снова, им в такт переступали ноги, похожие на маленькие кегли.

– Где это ты был с утра пораньше в воскресенье? – спросил он у сопящего генерала.

– Забрали картошку, – ответила его мама. – Не хотите ли?

– Нет-нет, что вы!

– Мне только приятно. Нам двоим все равно слишком много. Более чем.

– Спасибо, – не стал ломаться дядя Яша. – Но только я заплачу...

– Не вздумайте... У родителей огород.

– Тогда придумаю, чем отдарить.

Оба безнадежно увязали в трясине взаимной неловкости.

– Ну что вы...

– Неудобно же...

– А вы куда это так рано? – выпрыгнула соседка на твердую почву банального разговора ни о чем. Дядя Яша с облегчением прыгнул за ней:

– В Петергоф.

– Вы и по воскресеньям работаете? – удивилась соседка.

– Нет. Как счетовод, я... То есть да. Но не как счетовод. Это воскресник. На добровольных началах. Работа на свежем воздухе. В парке. А чего дома сидеть? Дома делать все равно нечего... Одному в кино идти как-то глупо. В театр тем более.

Дядя Яша понял, что это прозвучало, как намек – бедный, мол, одинокий. Хуже: именно это он и имел в виду. Увидел, что соседка покраснела, отвела глаза. Значит, тоже поняла. От этого щеки у дяди Яши раскалились.

– А, Шурка, здравствуй, – с облегчением сказала соседка. – Ты тоже на воскресник?

Дядя Яша обернулся. Шурка стоял в двери. Глядел мимо обоих. Не удостоил ответом. Промаяхнул по лестнице мимо, хлестнув презрением, как холодной мокрой полой.

– Не очень-то это вежливо, – заметил дядя Яша вслед.

«Интересно, давно он вот так? Сколько слышал? – панически подумал, и тут же. – А чего – того? Ничего ведь нет». Но знал: неправда.

– Привет, Максимка, – бросил на ходу Шурка.

– Здравствуйте, – важно ответил снизу тот.

Шуркины шаги стучали вниз. «Значит, отменяется совместный труд на свежем воздухе, – мрачно подумал дядя Яша. – «Пошел шляться по дворам с друзьями». Привычное бессилие.

– Ничего, – сказала соседка, сумела улыбнуться. – Дети есть дети.

В тусклое окошко ворвался гудок грузовика.

– Пора. Ждут, – поднял голову дядя Яша, нахлобучил шапку.

– Ну, до свидания.

Крепко ухватился за перила. К протезу уже привык. Но мало ли. Не хотелось выставлять себя калеккой. Не спешил делать шаг. Обернулся. Соседка шла вверх, на ходу выпрастывая из-за ворота ключ на шнурке. Спихватился, крикнул:

– До свидания!

Почувствовал себя крошечным дураком.

«Идиот».

Спустил ногу вниз. Поставил рядом протез. Вниз идти по лестнице было всегда сложнее, чем вверх. Шаг, поставить. Шаг, поставить. Грузовик больше не гудел. «Вдруг уехали без меня?» Прибавил шаг. Пот катил по спине, покусывал брови, щипал под коленом. Но все кончается, даже лестница.

Дядя Яша навалился на дверь. С наслаждением выкатился во влажную зимнюю хмарь, подставил потный лоб ледяному ветру с примесью бензинового дыма.

Грузовик, забравшись одним колесом на тротуар, урчал и трясся. Дяде Яше замахали.

– Доброе утро, товарищи!

– Доброе... И вам не болей... Здравствуйте...

Кузов был полон. Женщины в беретах и платках. Мужчины в шапках. Все – в сапогах.

Упал, стукнул откинутый борт. Протянули руки. Он уперся ногой в ступеньку. Втащили. Дядя Яша ухнул на лавку, крякнул, огляделся довольный («не упал!») и – запнулся, как о камень, о Шуркино лицо напротив.

– Хорошо... что ты тоже поехал, – начал было дядя Яша. Но Шурка отвернулся. Дядя Яша протянул руку, чтобы похлопать его по колену, но Шурка тут же переставил ногу. Рука повисла в воздухе. Дядя Яша сделал вид, что отер что-то с собственного голенища. Машина, переваливаясь, стала выбираться на проезжую часть.

– Ну, с ветерком! – крикнул веселый женский голос. Всех качнуло, подбросило, затрясло, мимо понеслись назад дома. Прервались: потянулся исчерченный черными ветками сквер. Шурка глядел на него, повернувшись всем телом. Как будто видел впервые. Дяде Яше – затылок.

«Ничего, приедем, может, помиримся», – подумал дядя Яша.

Всю дорогу в кузове, как вода в рыбном садке, переливался разноголосый плеск разговоров. Грузовик встряхивало – все хваталось за борта, за лавки, друг за друга, разговор умолкал на миг – и снова плескал.

Дядя Яша наклонился, прикрывая лицо от встречного ветра, вставил в рот папиросу. Кузов трясло, руки прыгали – никак не удавалось ни попасть концом папиросы в огонек, ни огоньком – в конец папиросы. Плюнул, убрал и то и другое. И его тотчас втащили обратно в общий разговор:

– А у вас какой?

– Что какой? – прослушал начало дядя Яша.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.